

Т. В. ШАЛАЕВА

**ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ ИСТИНЫ И ИСТИННОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОДЛИННЫЙ И ВСЯ ПОДНОГОТНАЯ***

Подлинный

Выявление множества иногда противоположных мотиваций в пределах одного семантического поля давно признано надежным источником новых этимологических решений. Так, известно, что понятия истины и истинности выражаются в языке через их различные характеристики. Одним из таких признаков является открытость, очевидность истинного знания. На этом основана внутренняя форма ц.-слав. **рѣснѣ** ‘правдивый, истинный’, **рѣснота** ‘правда, истина’ с соответствиями в словен. *(za)résen* ‘серьезный, важный; настоящий, истинный’, *(za)rés, résda* ‘действительно, в самом деле’, *resnica* ‘правда, действительность’, *resnoba* ‘серьезность, вескость; искренность’, хорв. чак. *réska* ‘действительно, в самом деле; да’. Праслав. **rěsnъ* (← **rěksnъ*) считается родственным лит. *raiškùs* ‘ясный, понятный’, *reikšti* ‘выявить, обнаружить’, жем. *išrykšta, išrykšti* ‘становиться явным’ с предполагаемым семантическим развитием: ‘ясный, явный’ → ‘действительный, настоящий’ → ‘правдивый, истинный, верный’ [ESJS 13: 765—766].

Греч. ἀλήθεια ‘истина’ также традиционно толкуют как «нескрытая», в качестве негативной формы к *λήθος ‘забвение’, и родственное λανθάνω ‘быть скрытым’ [Boisacq: 43, 554]. Н. П. Гринцер предлагает другую этимологию. Он указывает на то, что данная версия противоречит философскому пониманию истины древними греками. Истина для них, скорее, была скрытым знанием, доступным для созерцания только в результате больших усилий, а не явным, доступным всем [Гринцер 1991: 39—42]. Поэтому автор предполагает возможность трактовки префикса α в ἀλήθεια не как alpha privativum, меняющей значение корня на противоположное, а как alpha intensivum, усиливающей значение. Аналогичная словообразователь-

Татьяна Владимировна Шалаева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00470 «Славянское слово: языковая реконструкция, формальный и семантический анализ».

ная модель используется в ἀσκελής ‘высушенный’ при σκέλλω ‘сушу’ и в ἀσπερχές ‘торопливо’ при σπέρχω ‘укоряю, тороплю’. В таком случае «слово *истина* приобретает как раз значение “чрезвычайно скрытого, потаенного”, отвечая тем самым философским коннотациям этого понятия» [Гринцер: 43].

Кажется, версия о такой внутренней форме названия истины в греческом языке позволяет прояснить происхождение русского прилагательного *подлинный* ‘истинный; настоящий, оригинальный’. Оно имеет долгую историю изучения, представленную многочисленными версиями. Наиболее старая из них связывает его с пыточной практикой, когда достоверную информацию добывали, в том числе, используя длинные палки — **подлинники* или *длинники* (от *длина*). Таким образом, подлинная правда — это слова, произнесенные «под длинниками». Отсюда, якобы, пошло выражение: *Не скажешь подлинной или поддлинной, так скажешь подноготную* [правду] [Даль, 3: 183; Михельсон: 57; Максимов: 110—112; Преображенский, 1: 186; Фасмер, 3: 297—298]. Слово **подлинник* ‘длинный шест’ в русском языке не зафиксировано, *длинникъ* же представлено в памятниках в значении ‘длина, протяженность’: *А позаде огорода поперечнику в четыре сажени, длиннику девять сажень*. Кн. Поганкина, 6. 1645 г.; *А будеть того лѣсу... по мѣрѣ длиннику не достанетъ, и тотъ длинникъ домѣрять въ поперечникъ столко же сажень чего въ длинникъ или въ поперечникъ не достанетъ*. АЮБ II, 473. 1694 г.) [Сл РЯ XI—XVII вв., 4: 246] (разрядка моя. — Т. III.). С. Максимов, кроме того, предполагал, что *подлинная правда* — это правда, «добытая под линьками» [Максимов: 110]. *Линь* или *линек* — это обозначение одного из видов каната, заимствованное из голландского языка, где *lijn* — ‘тонкая веревка’ [Фасмер, 2: 498].

Объяснение происхождения *подлинный* через пыточную лексику вызывает сомнения, поскольку не отмечается других подобных представленным или родственным им терминов из этой области юриспруденции.

Б. Унбегаун считает, что *подлинный* надежнее выводить из *подлинник* в другом значении — ‘модель, образец’, цит. по [Куркина 1976: 155].

Л. А. Булаховский предполагает производность *подлинный* от *длинный* с первоначальным значением ‘точно соответствующий по длине’ и справедливо выводит *подлинник* из *подлинный*, а не наоборот, в отличие от своих предшественников [Булаховский 1949: 178].

Л. В. Куркина принимает семантическую часть толкования Л. А. Булаховского и производит *подлинный* напрямую из *длина* аналогично *поголовный* ‘включающий всех, каждого, все головы, лично каждого’ от *голова*, как и *попутный* ‘все, что по пути, следующий одним, общим путем, дорогой, направлением’ от *путь*. Первоначальное значение формулируется как ‘по длине, в полную длину; точно соответствующий по длине’, откуда — ‘настоящий, верный’ [Куркина 1976: 155; Шведова 2008: 668].

Ту же последовательность семантического развития (‘точно соответствующий по длине’ → ‘эталон, истинный образец’ → ‘правда, истина’) и родство со словом *длина* для *подлинный* принимают авторы сборника «Но-

вое в русской этимологии». Но, в отличие от Л. В. Куркиной, они считают его дериватом ст.-русск. *подлина* ‘правда’, значение которого производно от семантики др.-русск. *под[ь]лина* ‘подкладка’, имеющего соответствия в ст.-чеш. *podlina* ‘бахрома из дорогой материи по краю платья’, чеш. *podlina* ‘оборка’, ст.-чеш. *podlinka* ‘широкая кайма’, производных от **dylina* [Нов. в рус. этимол.: 169]. В данном случае авторы принимают точку зрения В. Махека, который (без русского материала) трактует *podlina* как производное от *po-dli* с мотивацией «укрепленное по длине» [Machek 1968: 467].

А. А. Зализняк предполагает непосредственную производность *подлинный* от *под[ь]лина* ‘подкладка’. Он возводит последнее и его чешские соответствия к праславянскому прилагательному **podьlь(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’, образованному от **podь* ‘низ’ [Зализняк 1993: 313]. Эти имена с суффиксом **-ina* объединяются общим значением ‘все, что находится под чем-то, внизу’ [Там же: 314]. Исходным значением *подлинный*, *подлинник* автор считает ‘оригинал, то, с чего делается список’, поэтому *под[ь]лина* ‘то, что лежит внизу, основа’ может быть здесь, по его мнению, вполне закономерным производящим [Там же].

Не обращая к этимологии *подлинный*, с **podьlь(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’ (от **podь* ‘низ’) группу чеш. *podlina* ‘широкая кайма, оторочка на юбке’, *podliny* ‘две дощечки на дне корзины’ и русск. диал. *подлина* ‘подкладка’ связывает и Ж. Ж. Варбот [Варбот 1996: 285]. Она добавляет к этим словам с.-хорв. *ródla* ‘подшивка, которая делается, если юбка слишком длинна, подпушка’ [Там же] и русск. диал. *подлёнок* ‘нижняя ветвь дерева’, ‘отпрыск хлеба от корня’ [Там же: 284]. Эту версию, говоря о русск. диал. пск. *padl'ina* ‘подкладка одежды’, поддерживает Ф. Р. Минлос [Минлос 2001: 282].

Версия о родстве *подлина* ‘подкладка’ и **podьlь(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’, в общем, убедительна. Особенно обоснованными представляются доводы Ж. Ж. Варбот, учитывающие различные словообразовательные модели (с.-хорв. *ródla*, русск. диал. *подлёнок*) и семантические варианты (чеш. *podliny* ‘две дощечки на дне корзины’, русск. диал. *подлёнок* ‘нижняя ветвь дерева’, ‘отпрыск хлеба от корня’). Хотя вероятно и другое решение (см. ниже).

А. Б. Страхов считает русск. диал. *подлина* ‘подкладка’ родственным слову *подол* ‘нижний край платья, юбки’, которое в говорах развивает значение ‘нижняя юбка’ [Страхов 2000: 344]. Он предлагает производить *подлинный* ‘оригинальный (о документе)’ от **подьлина* с первичной мотивацией «находящийся внизу, долу», в отличие от *противня*, *снимка*, *спуска* [Там же: 345]. Для *подлинный* в значении ‘настоящий, истинный’ автор приводит первичное значение ‘то, что скрыто под верхним слоем одежды, находится в подкладке’, а следовательно, является сущностным, отражает истину [Там же]. А. Б. Страхов помещает *подлинный* в один ряд со словами, имеющими значение ‘истинный смысл, истинная сущность чего-л.’ и мотивацию «скрытое, находящееся под чем-л.»: русск. литер. *подоплёка* ‘скрытая, тайная причина чего-л.’ при диал. *подоплёка* ‘подкладка на плечах и груди любой одежды’ (родственно *плечо*), диал. *пододóнная* ‘подно-

готная правда, скрытая истина' от диал. распр. *одóнье* 'укладка снопов хлеба, сена (или соломы) для хранения' (от *дно*) [Страхов 2000: 343—344] или непосредственно от *дно*¹. С версией о родстве *подлина* (**подълина*) и *подол* нельзя согласиться, поскольку в корне последнего — исконный *о*, не *ъ*: праслав. **dolъ*, ср. ст.-слав. *долъ*, болг. *дол*, с.-хорв. *дó*, чеш. *důl*, польск. *dół* [Фасмер, 1: 523]. Но, кажется, наличие приводимых А. Б. Страховым семантических параллелей может помочь найти надежную этимологию прилагательного *подлинный*.

Лексемы *подоплека* и *пододóнная* могут быть соотнесены с более широким метафорическим контекстом: в индоевропейских языках семантика 'сущность, суть, истинное содержание' выражается через обозначения внутренних, закрытых органов: ср. др.-русс. *являти сердце* 'открываться, раскрывать свои чувства, помыслы', франц. *le cœur du problème* 'суть вопроса', исп. *corazon* 'сердце' и 'сущность', санскр. *hṛdaya* 'сердце' и 'сущность, суть; ядро, основа' [Журавлев 2003: 451]. Вероятно, 'первоначально скрытое, неочевидное' можно считать и внутренней формой *подлина*.

Как писали многие исследователи, *подлинный* представляет собой производное от *подлина* 'правда', аналогично *истинный* от *истина*: ср. ст.-русс. *подлина* 'правда' (*Аще бо въсхоуи повѣдату по д л и н у вся... многого времени и труда потребовати буду*. М. Гр. Неизд. IV, 195 об. XVI в.) [Сл РЯ XI—XVII вв., 15: 278], *въ подлину, въ подлинну* ([Андрей:] *Я тебѣ говорю, что это я. Огленись на меня пожалуй*. [Настасья:] *И въ подлинну ты?* [Андрей:] *Конечно не тѣнь моя*. Сочинения и переводы Владимира Лукина. Ч. II. СПб., 1765. Стр. 17; [Прямыковъ:] *Замолчи негодная и не плачь напрасно; а то доведешь меня, что и въ подлинну будешь о чемъ плакать*. Там же. Стр. 161. — *Разрядка моя. — Т. III.*) [Картотека Сл РЯ XI—XVII вв.]. Наличие этих слов опровергает версию Л. В. Куркиной о производности *подлинный* от *длина* суффиксально-префиксальным способом (см. выше).

Вероятно, значение *подлина* 'правда' появилось из значения 'подкладка' (эта версия высказана в сборнике «Новое в русской этимологии», см. выше): ср. русск. диал. пск., эст. (русс.), лит. (русс.), латв. (русс.) *пóдлина* 'подкладка одежды' [СРНГ 28: 66], ленингр. *пóдлинка* то же [Там же]. Это подтверждает приведенное *подоплека* с исходным значением 'подкладка'. Также семантика 'скрытый истинный смысл, причина' [БАС 10: 392] отмечается и у слова *подкладка*, например, в следующих контекстах: *Под этим — своя «п о д к л а д к а»: не допускать влияния СССР дальше его границ...* В. В. Вишневский. Дневники военных лет (1943—1945); *Есть еще разные аргументы, более или менее основательные, которые он приводил [...], но подкладка всех этих доводов — что он горит нетерпением дожить до дня свадьбы*. П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк (1883); *Подкладка этой исповеди погибающего «от*

¹ По устному замечанию Ж. Ж. Варбот.

логического самоубийства» человека — это необходимость тут же, сейчас же вывода: что без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876); *А подкладка всего этого: «Мы будем говорить, а вы молчите, мы будем приговоры изрекать, а вы приводите их в исполнение!»* М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь (1863—1864) [НКРЯ]; — *Понимаю, — спокойно сказала Ирина. Но он-то знал подкладочку этого спокойствия.* Д. Рубина. Собака (Разрядка моя. — Т. III).

Для решения вопроса о происхождении слова *подлина* ‘подкладка’ показательным кажется фиксируемый словарями ряд слов с приставкой *под-*, родственных глаголу *линать*: *подлѣн* (*подлѣна?*), *подлѣнок* (*Теперь птица в подлѣнѣ*, или *в подлѣнкѣ* — роняет перо) [Даль, 3: 183], *подлѣнь* ‘птица в состоянии линьки’ [Там же], южн.-урал. *подлинкóвый* ‘начавший линьку (о звере)’ [СРНГ 28: 66], укр. *підлінь* ‘у кожевников: верхний слой очищаемой кожи с корнями волос’ [Гринченко, 3: 170]. Они, по-видимому, образованы от имени с корнем *-лин-*, обозначающего сбрасываемую при линьке шерсть, ср., например, русск. диал. яросл. *лінька* ‘шерсть с линяющего животного’ [СРНГ 17: 52], том. *лінка* то же [Там же: 51], перм. *линка́* то же [Там же], укр. диал. *лінка* ‘сброшенная шкура ужа или гадюки’ [Аркушин, 1: 284], *линó* то же [Там же], *линóк* то же [Там же]. В частности, *подлина*, по-видимому, является дериватом незафиксированного **лина* с приставкой *под-*. Аналогичная словообразовательная модель представлена, например, в формах *подпол*, *пригород*, *предыстория*, *последствие* — префиксальных производных от существительных с общим значением ‘временной отрезок (или место, предмет), находящийся в определенном отношении к тому, что названо мотивирующим существительным’ [Улуханов 1996: 67]. Общим и, видимо, исходным для лексем с префиксом *под-* является значение ‘кожа, находящаяся под шерстью, первоначально скрытая под ней’, из которого затем развилось значение ‘подкладка’.

О вероятности такого семантического перехода свидетельствуют лексемы, производные от праслав. **skora*2 со значением ‘подкладка’ при первоначальной семантике ‘слой шкуры животного под шерстью’ и образованные по той же словообразовательной модели, что и *подлина*: ср. русск. диал. удмурт. (русс.) *подскóрб* ‘подкладка одежды’ [СРНГ 28: 182], *подшкóр* ‘ватная или меховая подкладка одежды’ (сев.-двин., костром.), ‘ватная подкладка одежды’ (волог.) [Там же: 258], волог. *подшкóрь* то же [Там же]. Эти примеры развития значения ‘подкладка’ у дериватов **skora* дают основания усомниться в версии Ж. Ж. Варбот и А. А. Зализняка о связи чеш. *podlina* ‘кайма, оборка’ и русск. *подлина* ‘подкладка’ с **rodьlъ(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’ (см. выше).

Если лексемы с корнем *скор-* / *шкор-* развивают семантику ‘подкладка’, то производные от *кожа* употребляются в интересующем нас значении ‘скрытый, неявный’, и далее — ‘сущностный’: *Правда, эта информация,*

что называется, *подкожная*, чрезвычайно конфиденциальная. Но, я думаю, здесь можно? Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003); Савва работал в жанре глубокой и тонкой политической игры, вскрывал подводные течения и *подкожные* интересы. Марианна Баконина. Девять граммов пластила (2000); Вот у меня есть, например, свои сокровенные «*подкожные*» идеи. Они вырывают во мне. Георгий Бурков. Хроника сердца (1953—1990) [НКРЯ]; ... Самый его глубоко *подкожный* секрет, то, в чем и самому себе почти никогда не признавался, оказывается для нее *во все и не секрет*. В. Аксенов. Московская сага. Тюрьма и мир (разрядка моя. — Т. III). С точки зрения структуры, версия о родстве *подлинный* и *линять* доказывается фиксациями в старорусских памятниках и текстах XVIII в. формы *подлѣнный* (*подленный*): ... его королевское величество *изнова причиненъ бысть, чтобъ послати боярина своего и болюго ратнаго воевода Якова Пунтосовича Делегарда... сюды на Русь, и Божіимъ предзрѣніемъ, которое мочно отъ того подлѣно разумѣть, ... Новгородъ одолѣть...* Дополнения к актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком. Т. II. СПб., 1846. С. 28. 1613 г.; ... велено *взяти Устретцкихъ волостей старость и у цѣловальниковъ и у крестьян, будетъ есть, съ прежнихъ писцовыхъ и з дозорциковыхъ книгъ подлѣнны е сотные грамоты или книги платежные...* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Собрал и ред. С. Веселовский. Т. II, вып. I. С. 124. 1629 г.; ... *и ты бѣ Острожскимъ Черкасомъ сказалъ..., чтобы они землями и всякими угоды... владѣли до писцовъ по прежнему... А писцы, для подленого межевания всякихъ спорныхъ угодей, съ Москвы отпущены въ тѣ [ы] города будутъ вскорѣ. ... А у подленой грамотѣ помѣта дьяка...* Материалы для истории Воронежа и соседних губ., т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887. С. 115. 1681 г.; *И будетъ тѣ деньги на те годы на все на три плочены сполна и тебѣ б в тѣхъ платежахъ взять у нихъ отписи подленны е* Письма помещика старосте. 1708 г. 30/V // Вотчинный архив Бутурлиных. Палех. [Картотека Сл РЯ XI—XVII вв.] (разрядка моя. — Т. III). Корневая огласовка этих форм не может быть объяснена в рамках прежних версий происхождения *подлинный*, но она свойственна производным праславянского глагола **lĕniti*/**lĕn'ati*, варианта **liniti*/**linĕti*/**lin'ati*, ср. ст.-русск. *лѣнати* (*леняти*) ‘линять, выцветать’ (Торг. кн., 27 об. XVII в. ~ XVI в.), ‘стираться, сходить (о краске)’ (Сим. Обих. книгоп., 203. XVII в.) [Сл. РЯ XI—XVII вв. 8: 206], русск. диал. тобол., енис. *выленять* (*Теперь бусой, а выленит — как вороной будет*) [СРНГ, 3: 306], том. *облѣнивать* ‘линять’ [СРНГ, 22: 93], арх., колым., сиб., урал., волог., тобол., якут. *лѣнный*, *ленной* ‘непрочной окраски, линяющий’ [СРНГ, 16: 354], чеш. *lĕňati* ‘сбрасывать шерсть’, словен. *leniti se* ‘линять’, укр. *línitиси* то же [ЭССЯ, 14: 202].

Безусловной трудностью с точки зрения предполагаемого родства *подлина* и **lĕniti*/**lĕn'ati* является отсутствие форм типа **подлѣна* и лексем с корнем *-лѣн-* в значении ‘подкладка’. Но в славянских языках отмечаются

дериваты праславянского корня *-lěp-* с семантикой ‘шерсть линяющего животного’, которые могут быть производящими для подобных слов. Ср. **lěna/*leno*: чеш. стар. *lěna, lina* ‘кожа, сбрасываемая змеей, ракой во время линьки’, словац. *lien* то же [Там же: 200]; **lěnišče*: словац. *lenisko* ‘кожа, которую сбрасывает змея’, польск. диал. *lenisko* ‘шкура, сбрасываемая при линьке’ [Там же: 201]; **lěňka*: русск. диал. свердл. *лѣнка* ‘шерсть, сброшенная животным при линьке’ [СРНГ 16: 353]. Таким же образом можно толковать семантику русск. диал. колым. *лень* во фразе о линьке: *Танера и гусь и лебедь само на ленью* [Там же: 358] (разрядка моя. — Т. III).

Вся подноготная

Этимология традиционно объединяла с *подлинный* слово *подноготная* ‘тайные, скрываемые подробности чего-либо’, связывая их происхождение с процедурой пыток: *подноготная (правда, тайна)* — правда, тайна, выданная человеком, когда ему втыкали гвозди под ногти или сдирали их [Даль, 3: 183, 190; Михельсон: 75; Максимов: 112; Преображенский 1: 186; Фасмер 3: 298]. Ср. приводимую выше поговорку: *Не скажешь подлинной или поддлинной, так скажешь подноготную*. Но, как и в случае с *подлинный*, лингвистических доказательств у этой версии нет.

Н. И. Толстой пересматривает такое толкование и предполагает, что выражение *узнать подноготную* имеет те же истоки, что и болг. *познавам му и черното под ноктите* ‘вижу его насквозь’, *познавам и калта под ноктите му* то же, *разпитвам го и за калта под ноктите му* ‘расспрашиваю его обо всех подробностях’. В них чернота или грязь под ногтем представляется эталоном малого количества, и их внутренняя форма трактуется соответственно как «знаю о нем и самую малость», «расспрашиваю и о самом малом». Таким образом, *узнать подноготную* значит ‘узнать все, вплоть до мельчайших деталей’ [Толстой 1973: 282, 290]. Женский род *подноготная* автор объясняет преобразованием первичной формы **подноготное*, что является одним из примеров утраты среднего рода в русских говорах [Там же: 290]. Однако лексема *подноготная* в диалектах не зафиксирована, так же, как и **подноготное* — в литературном языке.

Б. А. Успенский поддерживает идею о внутренней форме *подноготная* как «то, что находится под ногтем» и дает ей мифологическую интерпретацию: «не исключено, что как волосы, так и ногти, воспринимались как местопребывание души или жизненной силы, подвластной Волосу» [Успенский 1982: 180]. Следовательно, *узнать подноготную* означает ‘узнать душу человека, т. е. все, до конца’. Эта этимология представляется интересной, но достаточно фантазийной.

А. Б. Страхов предполагает производность *подноготная* от *нагота* (аналогично *высотный* от *высота*, *частотный* от *частота*, ср. *наготный* ‘вовсе бедный, обнищавший’ (*Наготá наготная*) [Даль, 2: 394]). Изначаль-

ной структурой он считает **поднаготная*, при том что в дальнейшем в корне появилось *о* в результате гиперкоррекции. Внутренняя форма слова толкуется как «скрытое под наготой, то есть под тем, что находится ближе всего к человеку, самое сокровенное». Женский род прилагательного он, как и многие исследователи, объясняет согласованием в первоначальном словосочетании **поднаготная правда (тайна)* [Страхов 2000: 343, 345].

Языковой материал не дает доказательств семантической части этой трактовки, но родство (*вся*) *подноготная* и *нагота*, кажется, определено верно. Но, видимо, выводить *подноготная* следует не напрямую из *нагота*, как это делает А. Б. Страхов, а из прилагательного *наготной*. В русских говорах отмечается форма (*убрать*) *поднаготную* ‘(убрать) полностью’ (*Хлеб убрали поднаготную*) [Сл. Сибири, 3: 304], которая, очевидно, является наречием типа литературного *вслепую, зачастую, напрямую* и дериватом прилагательного *наготной* с префиксом *под-*. Такие наречия мотивированы прилагательными в форме женского рода единственного числа винительного падежа [Рус. грам., 1: 703; Виноградов 1972: 282]. Особое внимание в этой связи обращает на себя наречие *подчистую* ‘всё, полностью, без остатка’, образованное по той же словообразовательной модели, что и *поднаготную*, с префиксом *под-* от *чистый*. К тому же в псковских говорах отмечено наречие *подноготно* (*јон фс’о поднаготна в’ид’ит* [досконально]) [Псков. карт.], которое является синонимом и словообразовательным аналогом литер. *подчисто* ‘всё, полностью, без остатка’. Структурному и семантическому параллелизму *поднаготную* — *подчистую*, *подноготно* — *подчисто* соответствует частотная синонимия слов с корнями *-чист-*, *-наг-* и *-гол-* в значениях ‘чистый, пустой, лишенный чего-либо’: ср. русск. литер. *голый* ‘пустой’, *чистый* то же, диал. калин. *наголі* ‘ни с чем’ (*Осталась наголи, муж и любовник бросили*) [СРНГ, 19: 204], свердл. *нагом* ‘без снега’ [Там же: 208]. На этой основе развивается значение ‘все, до конца, без остатка’: ср. русск. диал. *до наготки* ‘все, без исключения’ (*Фсё до наготки забрали*) [СРГСУ, 2: 162], *наголо* то же (*Всех наголо в солдаты забрали*) [Сл. Сибири, 4: 325], литер. *подчистую* то же, *подчисто* то же. Таким образом, можно предположить, что наречие *(*всё*) *поднаготную* первоначально также обозначало ‘всё, до конца’, сочетаясь с глаголами типа *узнать, рассказать*, а затем получило современное значение ‘(узнать, рассказать) всё до конца, всю правду, включая скрытый смысл’.

Вторичное преобразование наречия в конструкции **узнать, сказать* (*всё*) *поднаготную* в прилагательное (в форму (*вся*) *подноготная*) произошло, вероятно, из-за народноэтимологического сближения с *ноготь*, а также с лексемой *подлинный* с общим толкованием их происхождения как пыточных терминов. В результате, наречие *(*всё*) *поднаготную* было воспринято как форма винительного падежа женского рода прилагательного *подноготный* ‘находящийся, скрытый под ногтями’ [Даль, 3: 190].

Подобные случаи деадвербиализации, правда, на материале существительных, подробно анализирует Н. Е. Петрова [Петрова 2009: 260—261;

Петрова 2009а]. Автор приводит многочисленные примеры осмысления отыменных наречий как падежных форм существительных. В результате они начинают использоваться в формах других падежей. Например, *Существует три способа пить чай с сахаром: вприглядку, внакладку и вприкуску. Многие москвичи придерживаются последнего способа, а для «прикуски» сахара в продаже почти нет.* Вечерняя Москва. 1989. 5. авг.; *Дождь, как-то зацепившись, косой от машины хлестнул в беседку, окропив деревянный пол.* Ю. Нагибин. Чистые пруды. Дороги. Встречи. Жарким июльским днем; *Ноги гудели, не чувствуя под собой тверди, спина от многочасовой наклонки стала чугуновой, руки не поднимались.* Т. Гагарина. По ту сторону прилавка // Русский Север. 1991. 20 июля [Петрова 2009: 260] (разрядка моя. — Т. Ш.).

Другой случай изменения частеречной принадлежности слов в результате совпадения флексий приводит И. С. Улуханов, описывая возможное употребление существительных адъективного склонения в функции прилагательных. Например, *типично Достоевский риторический выверт, чисто слущкие детали, подсудимая скамья, взрослые письма; не рабочая, а лишь служащая карточка* [Улуханов 1996: 40, 45]. Косвенным доказательством того, что слово *подноготная* когда-то было наречием со значением качества или обстоятельства действия при глаголе, могут быть статистические данные, представленные в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ]. В нем это прилагательное используется в значении субъекта в форме именительного падежа (*вся подноготная*) в 19 контекстах, а в значении объекта в винительном падеже при глаголах мыслительных и речевых действий (*всю подноготную*) — в 171 контексте.

Л и т е р а т у р а

- Аркушин — Г. Аркушин. Словник західнополіських говірок. Т. 1, 2. Луцьк. 2000.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.
- Булаховский 1949 — Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. I. М.; Л., 1949. С. 147—209.
- Варбот 1996 — Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии праслав. **podьlъ(jь)* // Общеславянский лингвистический атлас: Мат-лы и исслед. 1991—1993. М., 1996. С. 283—287.
- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
- Гринцер 1991 — Н. П. Гринцер. Греческая *ἀλήθεια*: очевидность слова и тайна значения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 38—44.
- Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь української мови. Т. 1—4. Київ, 1907—1909.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1995.

- Журавлев 2003 — А. Ф. Журавлев. По поводу *истины* // *Studia etymologica Brunensia* 3 / Ed. I. Janyšková, H. Karliková. Praha, 2006. С. 443—455.
- Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.
- Картотека Сл РЯ XI—XVII вв. — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. Куркина 1976 — Л. В. Куркина. *Подлинный* // *Русская речь*. № 2. 1976. С. 154—157.
- Максимов — С. Максимов. Крылатые слова и выражения русского народа. М., 2001.
- Минлос 2001 — Ф. Р. Минлос. Из истории одного новгородского говора // Исследования по славянской диалектологии. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 282—286.
- Михельсон — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 2. М., 1994.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorgo.ru.
- Нов. в рус. этимол. — Новое в русской этимологии. М., 2003.
- Петрова 2009 — Н. Е. Петрова. Межчастиречная ретранспозиция: лингвистическая база и речевые разновидности явлений // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. № 2. 2009. С. 259—264.
- Петрова 2009а — Н. Е. Петрова. Субстантивация и деадвербиализация наречий в современном русском языке // *Изв. Уральского государственного ун-та*. № 1/2 (63). 2009. С. 35—42.
- Преображенский 1-2 — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
- Псков. карт. — Архив картотеки Псковского областного словаря с историческими данными.
- Рус. грам. — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Сл РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1—6), Ф. П. Филин (т. 8—10), Д. Н. Шмелев (т. 11—14), Г. А. Богатова (т. 15—26), В. Б. Крысько (27—29). Т. 1—29. М., 1975—2011—.
- Сл. Сибири — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1—5. Новосибирск, 1999—2006.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1—7. Свердловск, 1964—1988.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25—). Т. 1—42. М.; Л.; СПб., 1965—2008—.
- Страхов 2000 — А. Б. Страхов. Правда *подлинная* и *подноготная* // *Palaeoslavica*. Vol. 8. 2000. P. 343—345.
- Толстой 1973 — Н. И. Толстой. О реконструкции праславянской фразеологии // *Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов*. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 272—293.
- Улуханов 1996 — С. И. Улуханов. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Успенский 1982 — Б. А. Успенский. Филологические изыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1—4. 4-е изд., стереотипное. М., 2003.

Шведова 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (32), А. Ф. Журавлева (вып. 33—). Вып. 1—36— М., 1974—2010—.

Boisacq — É. B o i s a c q. Dictionnaire étymologique de la langue greque. Heidelberg, 1950.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlova (1—5), E. Havlova a A. Erhart (6), A. Erhart (7—12), I. Janyšková (13—). Seš. 1—14— Praha, 1989—2008—.

Machek 1968 — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.

TATYANA V. SHALAEVA

ON THE DESIGNATION OF TRUTH IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
ПОДЛИННЫЙ AND *ВСЯ ПОДНОГОТНАЯ*

The paper discusses the etymology of the Russian words *подлинный* 'true; original' and *вся подноготная* 'hidden sense, reasons' whose origin is traditionally viewed as torture terms. *Подлинный* seems to be related to the verb *линять* 'to shed hair', specifically to its presumable derivative *подлина* *'skin under the fur', 'lining' and 'truth'. The semantics may be reconstructed as 'skin under the fur' → 'lining' → 'hidden sense, hidden truth' → 'truth'. *Подноготная* is, possibly, the transformation of the adverb *поднаготную* 'everything, totally, completely' (from *наготный*, *нагота*), which is used in dialects. The probable semantic change is '(to learn, to tell) everything' → '(to tell, to learn) everything, including hidden details'.

Keywords: etymology, *подлинный*, *подноготная*, *линять*, true.